

Малый театр — накануне 175-летнего юбилея

Знающие люди говорят, что такого красиво закусился, как в Малом, нет больше ни в одном театре мира. Разве что в "Комеди Франсез". Мы с Татьяной Петровной беседуем в ее гримбуторной. Это единственная в театре гримбуторная, вход в которую — из Ермоловского фойе. Ермоловское — артистическое фойе, где участники спектакля ждут своего выхода на сцену. Имму ему дал знаменитый портрет Марии Николаевны Ермоловой в полный рост.

Здесь готовились к спектаклю Южин, Пашенная, Гоголева. Теперь — Татьяна Панкова.

— Актрисой я мечтала быть с детства, — рассказывает она. — С тех самых пор, как мой старший брат стал артистом. Он приходил с работы и обставлял меня своими рассказами о театре. Но так как я очень некрасива (да-да, не смотрите на меня так, сейчас я Полина Виардо или Наталья Гончарова в сравнении с той, какой была в молодости), то очень сомневалась, что меня примут в театральный вуз. И в то же время не могла примириться с тем, что не стану актрисой. Ладно, думала я, по крайней мере буду знать, что пыталась. Отец был категорически против моей идеи, так что пришлось мне сначала закончить физико-математический факультет Ленинградского университета. После этого поехала в Москву и поступала во все театральные вузы, везде была принята, но моя мечта была Школьников.

Сегодня студентам живется нелегко, но до войны и во время войны вам, наверное, было не легче...

— Да, в Москве я жила в общежитии. Жила очень бедно — помогать мне мои родители не могли. Слава Богу, нас всех выручал "Мосфильм". Массовки, озвучение... Озвучение проходило не так, как сейчас. Например, голос у меня низкий, и я горжусь тем, что ржачие лошади под Ворошиловым в "Первой Конной" — это моя записка!

Но училище я окончила на сплошные долги. Поскольку была очень точная, меня всегда все выкрутили. Последний долг отдали Игорю Владимировичу Ильинскому, который никому не одолживал денег — только мне. Потому что знал: если я сказала, что отдам второго днем, то это не будет второго вечером.

— Татьяна Петровна, как началась ваша творческая жизнь в театре?

— Я окончила училище в 43-м году и сразу была принята в фронтальной филиал Малого. Мы играли буквально на передовой — за 700 метров от линии огня. В лесу солдаты соорудили нам сцену. Но как только закончился свет и начинался спектакль — летели "мессершмитты", мы прятались под сцену, свет гасили. Спектакли шли по семь-восемь часов. А в декабре сорок пятого меня отозвали в Москву — играть в пьесе Погодина "Сотворения мира".

— Удивительно, сразу после училища вы стали играть в очередь с самыми знаменитыми артистками...

— На мое счастье, тогда в театре среднего поколения почти не было: старики и молодые. Почему? Старики долго не признавали вторых составов. Боялись соперников? Не думаю. Кого могла бояться великая Пашенная? Она мне объясняла: "Я не боюсь, что кто-то еще сыграет мою роль. Это даже хорошо, потому что не всегда есть вдохновение (я Вера Николаевна была актрисой вдохновения). Но для меня роль — живой человек. И вот она ушла к другой. Возникает чувство,

будто она мне изменила. Ну и уходи! Я переставлю любить роль и начинаю играть все хуже и хуже".

Но когда я пришла в театр, старики уже стали понимать, что без вторых составов им не обойтись. Кроме того, у Веры Николаевны была идея: в Малом не должно быть отмены спектаклей. И вот я с ней вместе репетировала Кабачику.

— Почему Кабачику, ведь вам в то время было немногим за двадцать?

Татьяна Панкова

— Мне было тогда лет двадцать шесть. Как Блументаль-Тамарина, я сымаслила играла пожилых женщин. Причем

не делала ни старческой походки, ни голоса — просто играла по существу, а выходя на сцену, становилась старше. Я только сейчас играю роли своего возраста. До этого — женщины старше себя лет на сорок — пятьдесят.

Первая моя роль в очередь с Верой Николаевной была Ефросинья Старичика в "Иване Грозном". Тогда мне исполнилось двадцать один год. Вера Николаевна сломала ногу в локомотиве — как электрическую лампочку разбил. Это было надолго, а спектакль очень любил Сталин. Смотрел его раз шесть или семь. В то время, как вы понимаете, желанием правильности была без вни-

Евдокия Турчанникова

мания не оставила и меня на значили на Ефросинью. Это была моя вторая роль после "Сотворения мира". И первое огромное счастье.

Третья роль в моей жизни — Степанида в "Мещанях". На премьере у всех на столах полно цветов, только мой столик пустой. К концу спектакля вдруг приносит в кадке куст сирени.

Все заволаговались: кому? В цветах была записка: "Панковой от Микозалса". Он был на спектакле. Эти три роли оказались моим ступенечком. С тех пор я всегда в работе.

— И у вас никогда не было неудач, провалов?

— Ну что вы! Я так плохо играла в пьесе Гольдони "Бабы сплетни", что, когда приехала в Венецию, отсылали памятник Гольдони, встала перед ним на колени и попросила прощения за то, что я его так опозорила.

что не ушла вовремя со сцены. Засмотрелась, заслушалась и продолжала стоять. Генеральный Остужев вовремя нашелся и, не выходя из образа, царственным, повелительным жестом показал мне на дверь (кулису). Но по мизансцене он мог показывать только в противоположную от меня сторону. Я очутилась и смиренно пошла в указанном направлении через всю сцену. Мне казалось, что я иду целую вечность и этот путь никогда не кончится.

"Ну, это руководство к куроводству!" Многие во воспринимали, а многие — та же Пашенная, Яблочкина — очень внимательно относились к системе Станиславского.

— Татьяна Петровна, какой урок из тех, что вам преподнесла великие "старухи", вы считаете самым главным в своей жизни?

— Вера Николаевна Пашенная в последние годы жизни очень болела. И настал день, когда я играла вместо нее. Смотрию, она перестала ходить в театр. Встречаю ее дочь Ирину Витольдовну Полночную: "Неужели Вера Николаевна не будет больше играть?" Она отвечает: "Таня, у нее очень мало сил, она боится, что не доиграет спектакль". — "Да нет, — говорю я, — она отлично доиграет. Скажите, что я буду сидеть в гриме и костюме за кулисами, пусть она играет — не сможет, выйдя и доиграю я".

Вера Николаевна согласилась и стала играть. Сначала говорила: "Гримироваться не надо". Потом: "Танечка, загримуйтесь, но костюма не надевайте. Успеем!". И через некоторое время: "Будьте в полной форме". Так я дежурила за кулисами во время всех ее последних "Трох". И вот однажды, отыграв два акта, она сказала: "Таня, идите, я не могу больше". Я отвечаю: "Вера Николаевна, если вы сейчас не выйдете, вы никогда уже не выйдете на сцену. Давайте я буду стоять у занавеса. Если вы бросите платок — дам занавес". Она вышла на сцену и начала играть. Задыхается, потом смотрю — одышка проходит... Все доиграла. Но больше никогда не вышла на сцену. Потом сказала мне: "Танечка, я на своей воле доиграла. Но главное — зритель ничего не заметил". Это тоже одна из традиций Малого театра: как бы тебе ни было плохо — ты должна радовать зрителя своей работой.

— Татьяна Петровна, вы живете большой и прекрасной жизнью в искусстве. Есть ли у вас завзятная роль, которую вы так и не сыграли?

Несколько лет тому назад, в юбилей Достоевского, нашему русскому режиссеру один американский продюсер предложил сделать "Игрока". Там должна была сниматься Настасья Кински и другие замечательные актеры из Франции, Англии, Германии. Бабуленьку должна была играть я. В один прекрасный день мы полетели на съемки в Баден-Баден, но там вдруг обнаружилось, что счет нашей американки арестован. Все разошлись по домам. Ничего не состоялось, а наш режиссер даже заболел с горя. Бабуленьку мне давно хотелось сыграть. Я даже говорила об этом Львову-Анохину, который работал в нашем театре. Наши желания совпали. Но вскоре Борис Александрович из театра ушел. Опять все оборвалось.

А роль Бабуленьки для меня по-прежнему остается завзятной. И мысль Достоевского, которую он выразил в этом образе, о том, что русский человек не может жить на чужбине, что там он теряет самое себя, по-прежнему очень актуальна.

Пройдет всего несколько дней, и 28 октября вся труппа Малого — от старейшего до "первогодков" — выйдет на прославленную сцену в праздничном представлении к 175-летию театра. Рядом с Татьяной Петровной Панковой останутся совсем юные девочки. Им она передаст все, что получила от великих "старух", а они в свою очередь... И этот сладостный плен искусства — навсегда.

Беседовала

Татьяна СЕМАШКО.

"Старухи" Малого — это не возраст.

Это высокое звание.

В нем творческая зрелость и связь

времен. Его носили Варвара

Рыжова, Евдокия Турчанникова,

Александра Яблочкина,

Вера Пашенная,

Елена Гоголева... И все они были

партнерами по сцене народной

артистки России

Татьяны ПАНКОВОЙ,

которая работает в Малом

уже 60 лет.

— До сих пор

существует точ-

ка зрения, что

Малый — это ак-

терский театр,

где труппа не

терпит режиссу-

ры и задача ре-

жиссера сводит-

ся к тому, что он

должен лишь

разводить арти-

стов, чтобы они

лобами не сталки-

вались...

— Мой учитель,

Константин Алек-

сандрович Зубов, умел работать с

актером так, что тому казалось — он

все сам сделал. Что режиссер ему и

не нужен. Но только потом, глядя

уже на сыгранные роли, все понима-

ли, в чем состояла заслуга Констан-

тина Александровича. Именно такая

работа с актером в традиции Мало-

го театра.

Известно: Станиславский писал свою систему с наших "стариков". Он видел, как работали Ольга Осиповна Садовская, Музиловы, Рыжовы, и

Я, может быть, одна из немногих не боюсь провала. И не страшно, если что не выходит. Часто вспоминаю слова своего учителя Константина Александровича Зубова: "Таня, помните, растут не на успехах, растут на провалах. Именно тогда начинаешь думать, где что берется, от чего надо избавиться... Не бойтесь провалов!" И действительно не боюсь. Я за собой признаю ролевую пать. Они в удовольствие. Остальные — на уровне профессионализма.

— Кого вы считаете своими учителями в театре?

— Всех "старух" — Пашенную, Рыжову, Турчанникову... Зубов говорил мне: "Я могу дать вам любую роль в первом составе. Но укажите — со мной вы прошли школу. Или спелась за нашими "старухами", вы пройдете университет".

Я как-то срочно играла за Турчанникову (я очень многое делала в театре срочно — наши "старухи" были люди неверные, им было сто восемьдесят). Подхожу за кулисами к Варваре Николаевне Рыжовой и говорю: "Повторите текст, я что-то волнуясь". Она отвечает: "Душка моя, зачем здесь повторять? Здесь темно. Выйдем на сцену, там светло, увидим друг друга и сделаем все, что надо". Так все и случилось. Как со мной работала Рыжова! Ее глаза были заняты только мной. Тотло увидит, что я заперенная, — тут же возьмет за руку, погладит. Мне даже казалось, что она подсказывает, если я забуду. К этому у нас приучили "старухи" — заботиться о партнере. Современные артисты часто этого не понимают и стараются переиграть друг друга.

В науку мне пошел и такой случай. Играла я в "Отелло" черную рабыню-прислужницу. Отелло играл Остужев. Я была настолько потрясена игрой,

Александра Яблочкина

все это синтезировал, интегрировал. Я застала тот момент, когда Илья Яковлевич Судак, который пришел в Малый худрук, внедрял здесь систему Станиславского. Помню, как Судак рассказывал нашему замечательному артисту Михаилу Францевичу Ленину о "зерне" роли, а тот отвечал: